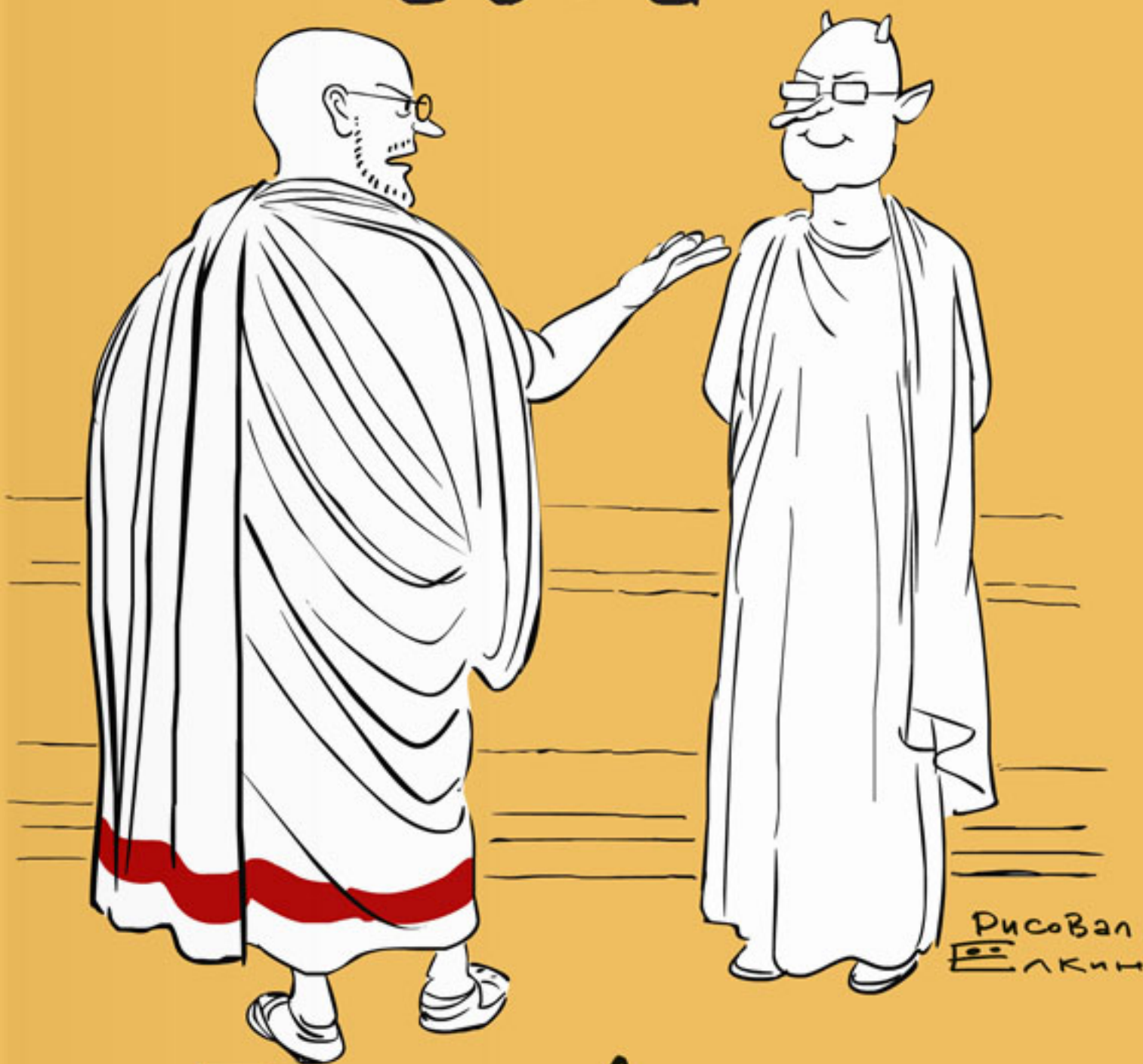

Адвокат Беса

Борис Акунин

2022

Борис Акунин
АДВОКАТ БЕСА

Страшная повесть

Иллюстрации Сергея Ёлкина

eBook Applications LLC

Глава первая.
КАПРЕМОНТ

ЯНДЕКС-НОВОСТИ

- *В Россию возвращается «Макдональдс». Полюбившиеся россиянам «репа-фри», «борщевик-пай» и «иванчай-кола» останутся в меню.*
- *Кирилл Серебренников назначен художественным руководителем Большого театра. Первой постановкой маэстро станет опера Беллини «Норма» (либретто Владимира Сорокина).*

- **Патриарх благословил рукоположение в сан женщин. В РПЦ появятся митрополитки, епископки и протопопки.**
- **Северная Корея отказалась выдать Евгения Пригожина. Посольство КНДР сообщило, что он будет трудиться по специальности – поваром в столовой сельхозкоммуны «Заря Чучхэ».**

- Борис, ощущаете ли вы себя новым Солженицыным? – крикнула журналистка.

Глумливость вопроса, бесцеремонно сунутая в лицо камера, обращение к пожилому человеку без

отчества (новая российская манера) – всё это бесило, но я

взял себе за правило не выказывать раздражения при общении с прессой. Разговариваешь ведь не с хамом или с хамкой, а с их аудиторией. К ней я и обратился, скромным улыбчивым ангелом:

- Ну что вы, какой из меня Солженицын. Выступая перед депутатами Думы, Александр Исаевич поучал, я же приехал в свободную Россию, чтобы у нее учиться.

Закричали и другие репортеры, их было человек двадцать. Я еще не успел привыкнуть к столь

жадному вниманию прессы. В Америке меня изредка приглашали в качестве эксперта на очередную передачу об удивительных – и тоже очередных – российских метаморфозах. Здесь же репортеры накинулись прямо в аэропорту, в день возвращения, и с тех пор просто не давали передышки.

- Извините, будет неудобно, если я опоздаю, - сказал я всем. - Все-таки народные избранники – ну, по крайней мере теоретически.

Засмеялись. Я уже понял, что к Думе в России относятся иронически, несмотря на все ее новейшие

подвиги. Избирали ведь депутатов при прежней власти, всем известно как.

Уф. Вырвался.

Сопровождающий вел меня по лестнице. Над нею длинное полотнище нового бело-сине-белого флага, недавно утвержденного депутатами, и прямо по белой полосе бодрый лозунг, которым завешана вся Москва: «Даешь Капремонт!».

Кто бы еще три месяца назад мог подумать, что всё так переменится!

Транслировали нудную, многочасовую «Прямую линию» с

Нацлидером. Он многословно отвечал на подтасованные вопросы, по своему обыкновению отпускал жутковатые шутки, сорвал аплодисменты, сказав про американского президента, что «если бы у бабушки было сами знаете что, она была бы дедушкой» - одним словом, всё как обычно. И вдруг выпучил глаза, зашлепал губами, забормотал невнятицу - и бух с кресла на пол. Несколько секунд было видно, как мечется охрана, потом картинка исчезла, и под виды русской природы заиграл «Вальс-фантазия» Глинки.

Правителя державы хватил удар – то, что в прежние времена называли «кондрашка». Он впал в кому, из которой так и не вышел.

Конечно, моментально возникла версия, что Нацлидера отравили каким-то супертоксичным веществом или облучили некими таинственными лучами. По поводу того, кто это сделал, существовало несколько теорий. Позднее, после истории с Марковкиным, когда все уверовали в американское всемогущество, преобладающей гипотезой стала «рука ЦРУ», но скорее всего старый параноик просто не

выдержал многомесячного стресса войны, перегрузил нервную систему стимуляторами.

В первые дни казалось, что державный корабль, потеряв капитана, не изменит курса. Потому что к штурвалу встал капитан еще грознее прежнего.

Несколькими неделями ранее, затеяв наверху перетасовку, Нацлидер поменял всех министров на своих бывших охранников – никому другому он в последнее время не доверял. Премьером стал Роман Честноков, потомственный спецслужбист, чьи предки служили

еще в Жандармском корпусе. Дзюдоист, хоккеист, биатлонист. Годом ранее Честноков прямо из новоогаревской резиденции, где руководил ночной охраной, был отряжен губернатором во Владисеверовосток, и с этой третьестепенной должности теперь взлетел прямо в чиновничье кресло номер один. Аналитики сразу вспомнили, что точно так же, из простых губернаторов, поднялся когда-то Столыпин. Но Честноков на Столыпина был похож только могучей статью и бульдожьим лбом. Он вел себя так же тихо и незаметно, как все

предыдущие премьеры, на встречах с Нацлидером ерзал на краешке стула, на заседаниях кабинета выступал по бумажке.

Однако оказавшись врио президента, Роман Романович вдруг развернулся, словно растянутая во всю ширь гармонь. Расправил красно-складчатые меха, зарокотал переливами, и все увидели, что собою он богатырь и мачо, да молод, да пригож, да бархатен голосом.

Для окружения спящего в инкубаторе Нацлидера и для спецслужб Роман Честноков был свой, кровь

от крови и плоть от плоти, для телезрителей приятно взорен, для женщин эротогеничен. Боевитые девушки из патриотической организации «Наши-Маши» сразу нацепили майки с надписью «Роман всей моей жизни».

Обнадежился и Запад, потому что Запад позитивен, оптимистичен и видит во всякой перемене шанс на лучшее. Старому-то русскому правителю отступать было некуда, его заждались в Гааге, а этот ничем кровавым не запятнан, от реальности не оторван, опять же

вся жизнь у него впереди. Полетели временному президенту сигналы из Вашингтона, Лондона да Брюсселя. Даже из Киева прислали телеграмму не то чтобы с поздравлением, но с некоторым намеком.

И сразу же пристроилась к новой царь-рыбе юркая рыбка-прилипала, известный всей телевизионной России политолог Сергей Марковкин, светлый ум, золотые уста. Он сделался при Честнокове интимнейшим и главнейшим советником.

«Вы – избранник судьбы, у вас есть уникальный для России шанс занять президентское кресло не посредством админресурса, а на настоящих выборах, по-честному, соответственно вашей фамилии, - убеждал политолог. – Вы всем нравитесь, ваш рейтинг достигает 95%, никто не сможет составить вам конкуренцию. Честно и всенародно избранный президент будет признан всем миром, который очень утомился от нашей бесконечной войны. Америка и Европа давно устали от украинской требовательности и упрямства, они

охотно вас поддержат, и мы сможем с минимальными потерями выбраться из ямы, в которую свалил страну сами-знаете-кто. Это сделает вас фигурой номер один не только в России, но и на всей планете. Еще Нобелевскую премию мира получите».

Так ворковал краснобай-политолог, а Честноков верил. И по совету Марковкина провозгласил новый политический курс под названием «Капремонт», чтобы произвести капитальный ремонт всего обветшавшего государственного здания. Велел остановить военные

действия, назначил скорейшие президентские выборы и выпустил политзаключенных.

Все на нового Хрущева-Горбачева прямо нарадоваться не могли. Запад в качестве жеста доброй воли отменил половину санкций и разморозил половину активов. Интеллигенция прицепила значки «Ловишь кайф от Капремонта?». В Думе возникла новая фракция «Честная Россия», куда сразу перешли все, кого туда взяли. Президентская кампания Честнокова проходила под лозунгом «Честь и Честность», возникло студенческое движение «Честь

смолоду», ветеранское движение
«Честь мундира».

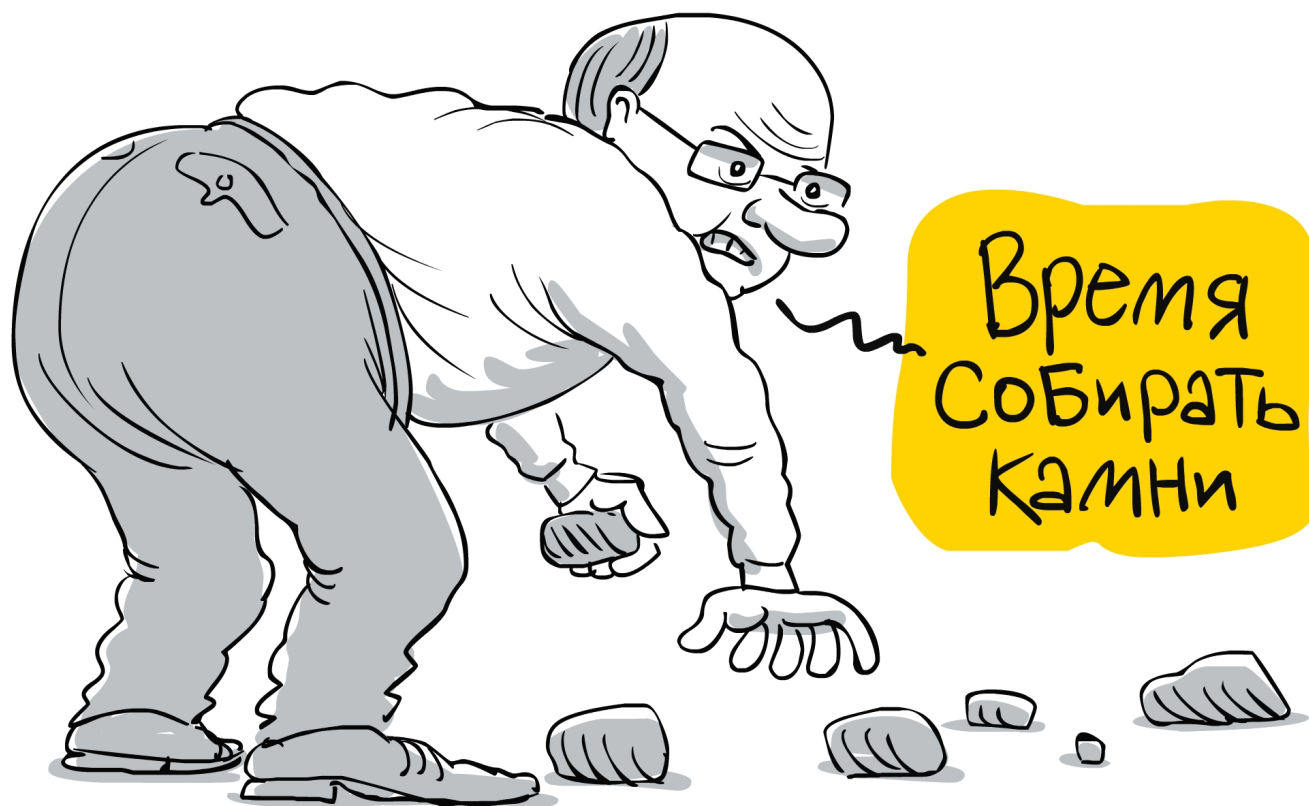
А что творилось на телевидении – настоящий фейерверк!

Началось с камингаута Рудольфа Соловейчика, самого лютого из телевизионных милитаристов. С хохотом, с озорным блеском в шальных глазах Рудольф спросил у зрителей, удачно ли он все эти годы разыгрывал бесноватую жабу, брызгающую с экрана ядовитой слюной? Оказывается, он делал это нарочно, чтобы отвратить нормальных людей от «гнойного зомбоящика». Это благодаря ежедневным карикатурным перформансам Соловейчика 68

процентов россиян перестали смотреть телевизор и переключились на интернет. Тайный агент демократического движения сказал, что заслуживает ордена «За заслуги перед Отечеством» первой степени.

Вернулся в эфир старейшина российского телевидения Владимир Раннер, героически молчавший все эти страшные месяцы. Глядя на зрителей мудрыми, всё на свете повидавшими глазами Екклесиаста, мэтр сказал: «В России нужно жить долго, и тогда настанет

время собирать разбросанные камни».

Но самую большую сенсацию произвел генеральный директор главного канала Эрнест Константинов. Он запустил серию

сенсационных разоблачений «Earnest-leaks»: тайные съемки, которые этот бесстрашный человек год за годом делал на совещаниях в президентской канцелярии. Вскрылась чудовищная картина давления, махинаторства и выкручивания рук, практиковавшаяся в логове диктаторского режима. Права на показ уникальных видеодокументов были куплены ведущими телекомпаниями планеты.

Темная эпоха началась когда-то с порабощения российского телевидения и закончилась с его освобождением. Страна словно

пробудилась после дурного сна. Все ходили возбужденные и просветленные, поражались тому, сколько не знали и не понимали, все ужасались злодеяниям, которые, оказывается, творила на украинской земле российская – нет, не российская, а путинская армия. Врио президента пообещал сразу после выборов провести расследование «эксцессов» и строго наказать виновных.

А как проходила электоральная кампания! Ее сразу называли «первыми честными выборами в российской истории». Тысячи

иностранных наблюдателей и корреспондентов подтверждали: так оно и есть.

Главным событием стали дебаты двух основных кандидатов – Романа Честнокова и свежееосвобожденного политкаторжанина Мандельного.

Политтехнолог Марковкин втолковывал своему подопечному: «У Мандельного нет против вас ни одного шанса. Это архетипическая альтернатива «лузер-ачивер», при которой, как учит Карл Юнг, стихийное бессознательное автоматически выбирает формулу успеха,

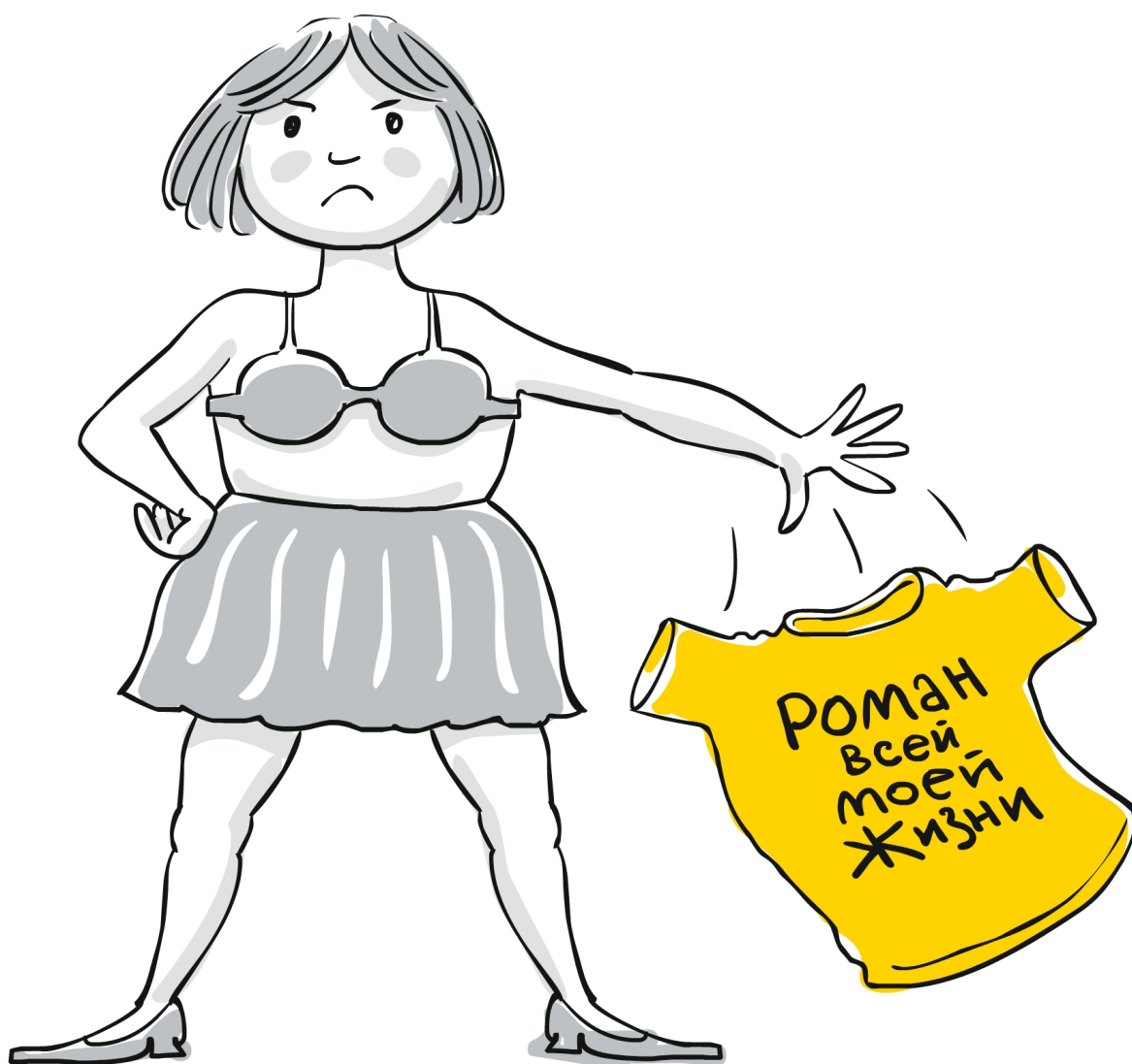
потому что в среднестатистическом человеке живет суеверный страх перед страданием. Телезрители даже не будут вникать, о чем вы с оппонентом дебатируете. Просто увидят на экране красивого, здорового Фаворита Судьбы – и бледного, изможденного Вестника Беды. Триумф гарантирован».

Это уже потом вскрылось, что политтехнолог Марковкин был давним, глубоко внедренным агентом ЦРУ и вся операция с кодовым названием «Волк и теленок» разработана в Лэнгли. Во время же теледебатов, когда зубастый

оппозиционный волчина, закаленный в полемических баталиях, рвал на куски беспомощно мычащего телятню и на экране цифры поддержки Романа Честнокова таяли, ведя стремительный обратный отсчет, все были совершенно ошарашены.

Дебаты произошли в пятницу. На завтра, в «день тишины», умерли телефоны всех высших должностных лиц. В большом доме на Лубянке в ночь на субботу горели все окна, а в ночь на воскресенье – ни одного. «Наши-Маши» выкинули

свои майки и самораспустились. В воскресенье экзит-поллы показали, что Мандельный побеждает в первом же туре, с большим отрывом.

И всё. Капитальный ремонт российского государства начался всерьез.

Председатель Думы на свой пост был выбран недавно. Его просто не могли не выбрать - он единственный мужественно воздержался, когда парламент в роковом феврале голосовал за «спецоперацию». Потом, правда, воздержавшийся божился, что перепутал кнопки, но если так, то его кривой палец направляла Фортуна.

Первой же инициативой новоизбранного президента Мандельного была поправка к Конституции,

преобразовавшая РФ в парламентскую республику – чтобы в России никогда больше не установилась диктатура. Это означало, что председатель Думы превращается из попки-дурака в важнейшую государственную фигуру.

Важнейшая государственная фигура представила оратора высокому собранию, по дурацкой официозной привычке рассказывая мне, кто я такой.

- Уважаемый Борис Григорьевич, вы вошли в русскую литературу на исходе прошлого тысячелетия, продолжая своим творчеством

великую гуманистическую традицию всемирной отзывчивости, идущую от Достоевского, Толстого и Чехова, - бубнил председатель по бумажке. – На ваших романах выросло уже несколько поколений россиян, которые учились у вашего героя Virtuоза патриотизму, благородству и бескорыстию...

Я изо всех сил держал лицо. На меня были направлены телекамеры. Нельзя кивать – нескромно, нельзя кривиться – невежливо. Максимум – легкая ироническая улыбка для понимающих, а так -

только терпеть, когда эта бодряга закончится.

- Добро пожаловать на родину, дорогой классик, - провозгласил председатель. – Мы ждем от вас мудрого писательского слова. Господа депутаты, встречайте: Борис Тургенчиков!

Гул затих. Я вышел на подмости.

Вся центральная часть была занята парламентским большинством – плотной массой «честно-россов». Справа, кучкой, сидели угрюмые коммунисты - боялись, что я потребую вынести Ленина из

мавзолея, и готовились дать отпор. Маленькая фракция «единороссов» была с обеих сторон отделена чумными рядами пустых кресел.

«Патриоты» отсутствовали - бойкотировали выступление «руссофоба», и черт с ними, кому они сейчас интересны?

Коротко оглядев зал, я устремил взор ввысь – жена велела не опускать голову, а то висит зоб. Бороду отрастить, что ли, небольшую, тургеневскую, не в первый раз подумал я.

- Исторические обстоятельства сложились так, что вы, люди очень разные и, что уж скрывать, пришедшие в эти стены вовсе не для защиты демократии, оказались инструментом, который вернул

Россию на путь свободы. Вы приняли ряд эпохальных законов, кардинально реформировали конституцию и уже поэтому войдете в историю. Ваша работа скоро закончится, через полгода новые выборы. Но полгода при нынешнем темпе событий – большой срок, и на вас лежит огромная ответственность. Есть времена, пригибающие человека книзу, заставляющие его пресмыкаться. И есть времена, когда человек расправляет плечи и раскрывает крылья. Сейчас именно такое время. Не ползайте, летайте!

Слушали меня так себе. Вероятно, я метал бисер перед свиньями. Все эти функционеры, деляги, проныры добыли себе мандат лизоблюдством, интригами или при помощи взятки. Революционные законы они приняли, потому что такие уж ветры задули в высших сферах. Но я верю в «эффект Пигмалиона». Чем больше уважения выказываешь индивидууму, тем охотнее он демонстрирует, что уважения достоин. Пусть эти мордатые дяди и тети ощутят себя историческими деятелями.

Мою речь проводили аплодисментами, не перешедшими в овацию. Из зала я вышел, недовольный собой. Все-таки исполнил Солженицына, думал я. Обещал учиться, а сам поучал. С другой стороны, чему можно учиться у депутатов Думы? Земноводности – принимать температуру окружающей среды? Флюгерности – поворачиваться в ту сторону, куда дует ветер?

Покрасовался перед камерами, гигант мысли и отец русской демократии? – корил себя я.

В этом самоедском настроении меня и застала правозащитница Вита Солнцева. Подловила у дверей, когда я собирался тихо ретироваться через служебный выход.

- Здравствуйте, Борис, - сказала Вита. - Вы должны уделить мне время.

Мы не виделись десять лет, а она нисколько не изменилась. Всё такая же ясноглазая, суроволобая, решительная.

Наши разговоры с ней всегда начинались одинаково.

Вита звонила или подходила где-нибудь и с места в карьер, без

«здрасьте, как дела», заявляла: «Борис, вы должны...». Стать поручителем за очередного узника совести; подписать письмо протеста; выступить на митинге.

И я выступал, поручительствовал. Потому что отказать Вите Солнцевой нельзя. Она – живая совесть нации (так называлась книга про Виту, переведенная на бог знает сколько языков).

Когда я уехал из страны победившего гэбэ, Вита, конечно, осталась сражаться со Злом. И теперь отказать ей в чем бы то ни было для меня стало тем более невозможно.

- Конечно, Вита, конечно, - сразу ответил я. – Давайте поговорим. Очень рад вас видеть. И поздравляю с назначением.

Вита теперь была омбудсвумен по правам человека – очень важная должность в стране, где защита прав человека объявлена главной миссией государства.

- Нет, - сказала Вита. - Разговор будет непростой, а значит небыстрый. Лучше провести его у меня в кабинете. Я специально пришла сюда, чтобы вас не упустить. Идемте. Это десять минут пешком.

Никаких сомнений по поводу того, пойду ли я с ней, Вита не выказала. Я и пошел, куда деваться. С живой совестью препираться не станешь.

- Может быть, по дороге поговорим? – спросил я.

Но у нее зазвонил телефон, а потом еще раз и еще. Вита защищала права человека нон-стоп, даже на людной улице.

- Нет, против домашнего ареста я тоже решительно возражаю, - сказала она в ходе первого разговора.

- У нее трое несовершеннолетних детей. Хватит подписки о

невыезде... Послушайте, я эту гадину, столько лет отравлявшую мир ложью, ненавижу больше вашего, но мы не имеем права поддаваться мстительному чувству.

Я так и не догадался, о ком речь.

Следующий звонок был понятнее.

- Нет, тотальная люстрация сотрудников управления «Э» исключается, - сказала Вита, послушав собеседника минуту-другую. - Там есть люди, работавшие по настоящим экстремистам и террористам... А вы как думали? С каждым

персонально, всякому по делам его.

Третий звонок, уже на Старой площади, Виту очень расстроил.

- Обратились к нам – будем защищать, - вздохнув, сказала она. – У нас самая свободная страна на свете. Организаторы анти-гейпарада тоже имеют право демонстрировать свои убеждения, даже если они нас с вами возмущают... А мы и не должны нравиться прессе, у нас другие задачи!

Офис омбудсвумен находился в бывшем здании президентской канцелярии, очень усохшей из-за

девяностопроцентного сокращения штатов. На освободившихся этажах расположилось множество организаций: штаб-квартира Веганской партии, «Евреи за Иисуса», «Кришнаиты за демократию» и бог знает кто еще.

В приемной сидела секретарка, юная девица с дредами и серьгой в носу.

- Меня нет. Ни для кого, - сказала ей Вита и отдала свой телефон.

Очень мне это не понравилось.

Еще тревожней было то, что начала она издалека. Обычно сразу брала быка за рога.

- Борис, вы верите в то, что проповедуете в ваших книгах?

И эта туда же!

- Я не проповедую, я просто пишу.

- Но ваш герой Virtuoz говорит... Минуточку. – Вита взяла со стола карточку: - «Твои принципы ничего не стоят, если ты их только провозглашаешь, а в собственной жизни не используешь». И вот еще, в другом месте: «Защищать нужно не тех, кто тебе нравится, а тех, кто нуждается в защите».

- Это говорит литературный персонаж, - на всякий случай напомнил я.

- Вы с ним не согласны?

- Почему? Согласен.

Она довольно кивнула.

- Отлично. Я знала, что могу на вас рассчитывать.

- В чем?

- Я была в СИЗО у Хомяченко. По его просьбе. Он сказал, что его процесс будет проходить в атмосфере всеобщей враждебности и хейтерства, поэтому обычного адвоката недостаточно. Просит

предоставить ему общественного защитника. Писателя Тургенчи-кова.

- Что?! – обомлел я.

После президентских выборов, когда прежний режим окончательно рассыпался, первым на повестке дня, конечно, встал всегдашний русский вопрос «Кто виноват?». Кто виноват, что страна в изоляции, экономика в разрухе, цены безумны, а самый популярный артикул транспортировки - «груз-200»?

С виновными всё оказалось не просто.

Самый очевидный злодей лежал в госпитальном боксе, подключенный к аппарату поддержки биологической жизнедеятельности. Отдавать под суд овощ – это будет какое-то «Чипполино».

Ближайшие соучастники злодея тоже дематериализовались. Обнаружилось, что все они подготовили для такого случая план аварийной эвакуации и воспользовались им – с разной степенью успешности.

Министр обороны скрылся в тувинской тайге, где у него был

заранее выстроен тайный бункер с системой «умный дом». Но медведь-шатун принял подземное убежище за берлогу, вышиб дверь и сожрал отшельника вместе с фуражкой.

Начальник тайной полиции бесследно исчез. Говорили, что он сделал пластическую операцию, пересадку кожи и даже изменил пол. Его искали повсюду и не нашли.

На экс-президента Ведьмедева ни у кого рука не поднялась – в последнее время он писал в своем твиттере вещи, явно несовместимые с психическим здоровьем.

Даже у самых подозрительных пропали последние сомнения, когда после инсульта Нацлидера бе-долага заявил, что теперь снова его очередь быть президентом.

Председатель Следственного Комитета, которым оппозиционеры пугали своих детей, ушел сначала в запой, а потом в белую горячку. Когда сатрапа приехали арестовывать, он яростно стряхивал с рукава иноагентов, экстремистов и разрушителей семейных ценностей. Спасти больного не удалось. Его предсмертный крик был: «Я вас

всех в лесу закопаю и сам проведу следствие!».

Министр иностранных дел обрел политическое убежище на райском острове Тувалу, и истребовать его оттуда было затруднительно, потому что никто в Интерполе толком не знал, где находится это государство. Сгоряча хотели сделать козой отпущения пресс-секретаршу МИДа Захру Мариеву, которая всем ужасно надоела, но вовремя опомнились. Несчастливая дура была даже не хвостом дьявола, а волосинкой на хвосте.

Страна остро нуждалась в показательном процессе над главным

преступником, а занять вакансию было нечем.

Тут-то и вспомнили, что все двадцать лет диктаторского режима около Нацлидера постоянно находился Владислав Сергеевич Хомяченко, занимавший скромную должность вице-секретаря президентской канцелярии, однако курировавший всю внутреннюю политику и разработавший самые гнусные демарши власти. Раньше Хомяченко называли «серым кардиналом», теперь же произвели в «архитекторы рашизма». Рудольф Соловейчик выпустил фильм-

расследование «День Хомяка». Там как дважды два доказывалось, что так называемый Нацлидер был всего лишь игрушкой в руках закулисного манипулятора. Свидетелями обвинения на суде должны были выступить министры, которые обещали рассказать, как Хомяченко понуждал их нарушать конституцию, и миллиардеры с сенсационными признаниями о том, как страшный человек заставлял их наполнять так называемый «бассейн», теневой бюджет прогнившего режима.

Суд еще не начался, а его уже окрестили «процессом века».

- Вы шутите? – спросил я, хотя отлично знал, что совести нации шутить не умеют. – Чтобы я защищал этого мерзавца? Да я из-за него покинул родину! Хомяченко натравил на меня своих поганых «Наш-Маш», они устроили флэшмоб – перед камерой использовали страницы из моих книг в качестве туалетной бумаги! Хомяченковские хунвейбины расписали мою машину шестиконечными звездами и знаками доллара! В аэропорту перед вылетом

какой-то подонок крикнул «Привет от кровавого режима» и облил меня кетчупом! А на майке у него была цитата из речи Хомяченко: «Кто не с нами – тому цунами»!

- Потому Хомяченко и просит, чтобы его защищали именно вы. Если даже писатель Тургенчиков выступает на стороне человека, который его травил, подсудимый может надеяться на снисхождение.

- Какое еще снисхождение! Пусть Бес сгниет за решеткой!

(«Бесом» бывшего вице-секретаря прозвала пресса).

- Борис Григорьевич, - строго молвила Вита, - вы русский писатель. Русская литература всегда была на стороне тех, кто нуждается в защите. вспомните Пушкина: «Милость к падшим призывал». вспомните Короленко, который во время Гражданской войны заступался за белых перед красными и за красных перед белыми. Я обещаю заключенному, что вы по крайней мере выслушаете его. Потому что не сомневаюсь в вас. Оттолкнуть того, кто умоляет о помощи, недостойно порядочного

человека. Вы сумеете подняться выше личного. Вы совестливый.

- Не сумею! И не хочу! – выкрикнул я. – Я не Короленко, я Акутагава, который говорил: «У меня нет совести, у меня есть только нервы!».

Но в ясных глазах Виты Солнцевой прочиталось такое разочарование, что я сник и пробурчал:

- Ладно. Раз уж вы обещали, я схожу к нему. И пошлю этого черта к его родной бабушке. Защищать Беса я не стану!

Глава вторая. БЕСЕДЫ С ПАЛАЧОМ

Яндекс-новости

- **Из-за дезертирства в армейских частях осталась только половина личного состава. Солдаты ДНР и ЛНР в массовом порядке уходят к украинцам.**
- **Дебаты в Крыму: как назвать предстоящий референдум - «Назад в Украину» или «Вперед в Украину»?**

- ***В связи с возвращением на российский рынок иномарок «ВАЗ» решил перепрофилироваться на производство ползающих пылесосов. Конструкторы заявляют, что кардинальной реконструкции завода для этого не понадобится.***

Президент Мандельный обещал, что в новой прекрасной России даже тюрьмы будут прекрасными, и выполнил слово. Витриной тюремной реформы стал московский СИЗО-1, где содержали самых

одиозных прислужников старого режима, в том числе главного из них, вице-секретаря Хомяченко.

Начальника изолятора пригласили из-за границы. Раньше он директорствовал в тюрьме Скиен, где содержится массовый убийца Брейвик, поэтому бывшую Матросскую Тишину теперь называли Норвежской Тишиной. Ходили слухи, что арестованные воры в законе и коррупционеры платят огромные взятки за то, чтобы попасть в это образцово-показательное заведение - Россия, хоть и

прекрасная, все равно осталась Россией.

Меня провели чистеньким коридором в крыло максимальной секьюрити, которая означала лишь, что всюду понатыканы видеокамеры. Перед дверью с табличкой (на ней имя «В.С. Хомяченко») дежурный надзиратель остановился, нажал кнопку интерфона.

Я удивился, потому что слышался звук гитары, приятный баритон задушевно пел: «Эта земля была нашей, пока мы не увязли в борьбе, она умрет, если будет

ничьей – пора вернуть эту землю себе».

- У вас разрешено держать в камере музыкальные инструменты?
– спросил я.

- Разрешено всё, что не запрещено, - объяснил дежурный и громко сказал в микрофон: - Господин Хомяченко, к вам посетитель.

Музыка оборвалась.

- Испортил песню, дурак, - довольно громко проворчал тот же баритон. – Кто там еще?

- Писатель Тургенчиков.

- Ну наконец-то! Можете войти.

- А что, без разрешения заключенного входить нельзя? – тихо спросил я.

- Только по ордеру прокурора, - грустно (как мне показалось) ответил надзиратель.

Внутри камера напоминала номер трехзвездной гостиницы, разве что с решеткой на окне, но не депрессивно-клетчатой, а в виде солнца с лучиками. В комнате никого не было.

- Располагайтесь, Борис Григорьевич, я только сниму юкату, - раздавалось из-за двери санузла.

Больше всего меня поразило компьютер на письменном столе. По монитору скакали строчки какого-то чата.

- Ему можно пользоваться интернетом?!

- Контролируемым. Специальная программа отслеживает активность и блокирует всякий обмен недозволенной информацией. Подследственные подписывают обязательство соблюдать установленные правила.

Вошел подтянутый, какой-то очень компактный мужчинка, которого я много раз видел по телевизору, но всегда в галстукe, а сейчас он был в рубашке-поло, и лицо оказалось не гладенькое, как на экране, а в мелких морщинках.

- Здравствуйте, дорогой Борис Григорьевич! Руку не подаю, чтобы

не доставлять морального дискомфорта – жать иль не жать, - весело сказал мне самый ненавидимый человек Российской Федерации. – А вы, молодой человек, идите. У нас с классиком конфиденциальный разговор.

Долго задерживаться здесь я не собирался.

- Я, собственно, пришел только потому что... - начал я, но он перебил:

- ...Потому что к вам с ножом к горлу пристала лучезарная Вита Фениксовна. Что, собственно, от нее единственно и требовалось.

Вы же, разумеется, предпочли бы выступить на моем процессе не в качестве общественного защитника, а в качестве общественного обвинителя, потому что я олицетворяю собою всё, что вы ненавидите.

- Примерно так, - согласился я, довольный, что можно не произносить заранее приготовленную речь.

Хомяченко сел к компьютеру, проворно зацокал по клавишам.

- Вы мягко говоря не одиноки в своей антипатии к моей персоне. Я вот вчера замутил интернет-опрос

«Что нам делать с Бесом?». Варианты для голосовалки я предложил такие: «1. Пожизненно посадить. 2. Ради такого случая временно снять мораторий на смертную казнь. 3. Просто пустить Беса погулять по улице». Сгноить меня в тюрьме желают только 4 процента. 42 хотели бы моей казни, а 54 – встретить на улице и разорвать на части. – Он повернулся ко мне. – Вы предпочтете поучаствовать в публичной расправе надо мной или, будучи интеллигентом, тихо отойти в сторонку? А потом всю жизнь помнить, что жертва

взывала к вам о помощи, кричала:
«Борис Григорьевич, убивают, спасите!».

- Никакой расправы не будет. Вас ждет справедливый, независимый

суд. Не такой, как при вашей власти.

- Вы уверены? Наши суды, конечно, были так себе, но по крайней мере они не изображали белоснежность. Всем было ясно, что судья – чиновник, выполняющий приказ. Ваш суд в тысячу раз гнуснее, потому что он с благородной ужимкой, с имитацией непредвзятости. А вся махина так называемой свободной прессы, так называемого свободного интернета, так называемого общественного мнения настроена раздавить одного человека – меня. И я не смогу себя

защитить, потому что все меня ненавидят. Что бы я ни сказал, в ответ полетят только плевки.

- А как судили ваших врагов вы?
– не выдержал я. – Вспомните судилища над тем же Мандельным?

- Вы хотите, чтобы ваш суд был таким же? Чем же вы тогда лучше нас? – улыбнулся Бес, довольный, что подловил меня. – Только тем, что у вас контролируемый интернет в тюрьме?

- Найдите себе какого-нибудь другого защитника, - сказал на это я, потому что возразить было нечего. – А меня увольте.

- Да это не моя идея – пригласить именно вас. Я на прошлой неделе провел опрос: «Хотите ли вы, чтобы на процессе у Беса был общественный защитник?». Восемьдесят восемь процентов ответили, что хотят.

- Ничего удивительного. Толпа обожает всяческие шоу.

- Второй вопрос был «Кого бы вы хотели видеть защитником Беса?». Называть можно было любое имя. И на первом месте оказались вы. Обошли на восемь пунктов даже Ольгу Бузову.

- Это потому, что все СМИ как раз пишут о моем возвращении. Но я вам не энтертейнер, не звезда эстрады!

- А вы почитайте, что комментаторы пишут. Модератор под ником «Дьявол» (это я) спрашивает: «Почему именно Тургенчиков?». Люди отвечают: «Прикольно посмотреть, как автор «Виртуоза» рубится с Фемидой». Или еще - типичное: «Даже создателю «Виртуоза» не отмазать Беса от кичи».

- Не берите меня на слабó! – разозлился я. – Манипулируйте кем-нибудь другим!

- А еще подумайте вот о чем, - вкрадчиво молвил Бес. – Вы же писатель. Какой уникальный материал сам идет к вам в руки! Представьте, что вы Казимеж Мочарский.

- Кто?

- Ну вот, - укоризненно развел он руками. – Интеллектуал, а такой великой книги не читали. Мочарский, офицер Армии Крайовой, после войны оказался в одной камере с группенфюрером Штропом, палачом Варшавского гетто. Записал откровения эсэсовца и потом выпустил книгу «Беседы с

палачом». Я, палач российской демократии, тоже открою перед вами душу. И вы потом выпустите книгу. Ее переведут на все языки, вот увидите. Смотрите, я уже и расписку приготовил. – Хомяченко взял со стола листок. – Не возражаю против диктофонной записи, предоставляю Б.Г. Тургенчикову право использовать мои слова любым способом, без дальнейшего согласования. Документ заверен моим адвокатом, всё железно. Тварь ли вы дрожащая, Борис Григорьевич, или вы писатель? Доставайте вашу мобилу, жмите на красную

кнопочку. Палач демократии расскажет вам, как и почему он ее казнил.

Не знаю, кто из писателей устоял бы. Я не устоял. Вынул телефон, включил запись.

Recording-1 **ВЕЛИКАЯ ЛОЖЬ**

БЕС:

Вы, наверное, согласитесь с тем, что идеальное государство должно напоминать семью, в которой детей любят, защищают, хорошо воспитывают, заботливо лечат и помогают

им развиваться. В идеале гражданин должен знать и чувствовать, что Родина – его мать, а правитель, вождь, лидер (назовите как хотите) – отец.

Я:

Нет, я, знаете ли, сторонник демократии, в которой ко всем гражданам относятся как к взрослым людям.

БЕС:

Если бы судили вас, а мне нужно было выступать вашим защитником, я бы непременно постарался

проникнуться вашей правдой. Но сейчас прошу вас сделать над собой усилие и попытаться понять мою правду. А она есть. Не спорьте со мной, просто выслушайте.

**НЕ СПОРЬТЕ
СО МНОЙ**

Я:

Хорошо. Не буду спорить.

БЕС:

Собственно и вы сами, если будете честны с собой, признаёете, что подавляющее большинство жителей любой страны безответственны, недальновидны, падки на халяву, постоянно принимают глупые и даже саморазрушительные решения, – в общем совершенно не взрослые, а инфантильны. Они именно что дети, только при демократии сильно испорченные –

капризные, взбалмошные, жадные до запретных и вредных удовольствий. Это семья, в которой отца переизбирают каждые четыре года, и ему приходится завоевывать расположение мелюзги всякими невыполнимыми обещаниями, поблажками, подачками. Все мысли папаши только о том, что скоро опять выборы. Более длинных планов, чем на четыре года, он не строит.

Одной из самых лживых политических концепций является идея, что всякая власть исходит от народа и должна принадлежать народу. Предполагается, что народ

сам создает законы через своих представителей-депутатов. Но демократические выборы – насквозь фальшивый балаган, где большие деньги всегда привлекают на свою сторону ловких технологов, популярных артистов, красноречивых журналистов - и проведут в парламент того, кто будет обслуживать олигархов. Как в анекдоте. «Вчера учил детей демократии. Голосовали, какую заказать пиццу и какое смотреть кино. А потом я выбрал то и другое сам. Деньги-то мои». Избиратели являются стадом, которое

даже не замечает, как его доят и стригут.

Я:

Спасибо, мне известно стихотворение Пушкина:

*К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.*

БЕС:

А я вам цитировал не Пушкина. Я вам цитировал статью Победоносцева «Великая ложь», в которой Константин Петрович камня на

камне не оставляет от так называемой демократии. Это был великий человек, бескорыстный и вдохновенный, которого оболгало, опорочило, закидало грязью и в конце концов растоптало ваше интеллигентское сословие. Если бы Победоносцев остался у руля, не было бы ни революции, ни гражданской войны, не понадобились бы ни Сталин, ни большой террор, да и мировых войн скорее всего не было бы. Россия без крови и натуги, плавно, вошла бы в двадцатый век и сегодня была бы самой благополучной страной мира, с населением в 600

или 700 миллионов человек. И знаете почему? Потому что самодержавная власть не спринтер, а марафонец. Она не мыслит четырехлетней чехардой, она строит планы на век вперед. Государь не казнокрадствует – зачем? Ему и так принадлежит вся страна. Государь не заискивает перед подданными, ему ведь не переизбираться. Самодержавная монархия или диктатура (это в сущности одно и то же) - семья крепкая, дружная, построенная не на каких-то там абстрактных законах, а на теплых, живых принципах любви, уважения и доверия к

отцу нации. Люди чувствуют себя в стабильности и безопасности, потому что верят: наверху лучше знают, им виднее. Как дети верят в то, что родители всемогущи, мудры и желают своему ребенку только добра... Я вижу, что вы закипаете, Борис Григорьевич. Вы хотите сказать, что наша власть была совсем не такая? Не тратьте порох, я это отлично знаю. Я описываю вам идеальную Россию, какою она может быть, какою она должна быть. Это прекрасная цель, которую мы перед собою ставили. Реальность, конечно, всегда оказывается хуже. Но

*ВЫ ВСПОМНИТЕ, С ЧЕГО МЫ НАЧИНАЛИ.
И НЕ ЗАБУДЬТЕ НАПОМНИТЬ ОБ ЭТОМ
ПРИСЯЖНЫМ.*

Я:

*О чем я им должен напомнить?
Что ваша шайка застала Россию од-
ной из самых свободных стран на
свете, а потом превратила ее в зону
общего режима?*

БЕС:

*Вы должны напомнить им о том,
что на исходе прошлого столетия в
России царил хаос. Ее природные
ресурсы были поделены между*

олигархами, которые нагло, на глазах у всех, сражались между собой за власть над государством. Что политическая элита была расколота. Что в стране шла кровавая сепаратистская война, дикие абреки отрезали головы и устраивали взрывы. Что губернаторы вели себя как царьки. Что повсюду правил криминалитет. Что люди жили очень-очень бедно. В считанные годы наша, как вы выражаетесь, шайка совершила все подвиги Геракла. Мы поставили на место олигархов, приструнили политиканов,

восстановили порядок на Кавказе, уgomонили региональных тузов и загнали под шконку уголовников, мы повысили жизненный уровень, мы вернули Россию в клуб великих держав.

Я:

Но какой ценой? Уничтожив парламент, свободную прессу и независимый суд, расплодив коррупцию?

БЕС:

Система, которую мы называли «суверенной демократией», не предполагает разделения властей.

Это нерусский путь, чреватый раздором и распадом. А то, что вы называете «коррупцией» - как раз именно русский, традиционный способ стимулирования элит и контроля над ними. В прежние времена это называлось «посадить на кормление» нужного государству человека - и снять его с кормления, если окажется нехорош. В России ведь феодалов не было, были помещики. Им давали землю и крепостных за службу, во временное пользование. Но пускаться в исторические экскурсии перед присяжными не нужно

– заскучают. Я вам подготовлю список конкретных, эмоционально сильных историй о том, как несоблюдение сухой буквы закона и глубоко административное вмешательство, мое вмешательство, спасало людей и помогало решить кризисные ситуации, с которыми демократическое правительство никогда не справилось бы. Вы напомниме присяжным, как позорно вела себя слабая власть с Басаевым и Радиевым, плодя новых террористов, и как решительно, безжалостно, но эффективно выжгли язву терроризма мы.

Я:

Вы собираетесь похвалиться «Норд-Остом» и Бесланом?!

БЕС:

Борис Григорьевич, вы пожилой человек, давно живете на свете. Когда израильтяне в свое время отказались вести какие-либо переговоры с палестинскими террористами и гибли заложники, это ведь вас не возмущало? Вы, поди, Голде Меир рукоплескали?

Я:

Послушайте, вам не удастся обратить меня в вашу веру. Только зря тратите время! И потом, есть

аргумент, о который разбиваются все ваши государственнические фантазии. Если самодержавие столь прекрасно, как же это вы привели Россию к такому краху? Ведь страна разваливается.

БЕС:

Как и почему это произошло, мы поговорим в следующий раз. А кроме того я и не собираюсь вас переубеждать. Я хочу, чтобы на первом этапе вы убедили присяжных, что Владислав Хомяченко – не шкурник. Если вы намерены честно, по совести, исполнять обязанности моего защитника,

используйте свой писательский дар, чтобы показать меня человеком со своей правдой. Он, может быть, и ошибался, но желал стране блага, всегда хотел как лучше. Если с вашей помощью присяжные увидят перед собой не дьявола во плоти, а живого человека, это будет уже пол-дела.

Я:

А вторые пол-дела – это что?

Глава третья. ПРОЦЕСС ПОШЕЛ

ЯНДЕКС-НОВОСТИ

- **Курс рубля к гривне пробил историческую отметку 10:1. Центробанк вводит временные ограничения на выдачу наличных гривен.**
- **Во Владивостоке созвано краевое учредительное собрание, которое призывает возродить Дальневосточную республику, ликвидированную сто лет назад.**
- **Мэрия Москвы: Роман Абрамович без жилья не останется. Вместо конфискованной недвижимости бывшему миллиардеру**

будет выделена двухкомнатная квартира улучшенной планировки в шаговой доступности от строящейся станции метро «Пыхтино».

- Объявляю предупреждение за препирательство. В следующий раз будете наказаны за неуважение к суду. Сядьте и без моего разрешения реплик с места не подавайте, - строго сказал федеральный судья.

Прокурор Голубикин залился краской. Он был очень молод и пунцовел при малейшем волнении, а

волноваться ему приходилось часто. Председательствующий на первом же заседании объявил, что следует забыть о старых временах, когда представители гособвинения вели себя в суде как хозяева.

Дмитрий Голубикин, впрочем, в процессах «старых времен» участвовать никак не мог. Это был прокурор нового, демократического призыва. Всех прежних бойцов прокурорского цеха люстрировали, вместо них набрали свежих выпускников. Пресса называла двадцатипятилетнего обвинителя попросту «Микой».

Мика Голубикин мне ужасно понравился. От него веяло чудесным ароматом революционной эпохи. Он был очень похож на новых полицейских, которые по президентскому набору пришли в правоохранительные органы вместо прежних держиморд. Ловить преступников эти мальчики и девочки, правда, не умели (оппозиционная пресса писала, что они сладко мурлычат, но мышей не ловят), зато смотреть на открытые, улыбчивые лица было очень приятно.

Перед заседанием Голубикин подошел ко мне, смущаясь попросил автограф и сказал:

- Папа с мамой выросли на ваших книгах. И мне перед сном читали «Приключения Virtuоза».

- Видите, как вышло, - развел я руками. – Придется мне вам оппонировать. Ничего не поделаешь. Ноблесс оближ.

- Защитить этого подонка не смог бы даже Плевако. Поэтому вы не расстраивайтесь, - великодушно сказал юный прокурор. – У меня сто пятьдесят восемь свидетелей, которые стопроцентно докажут,

что подсудимый был не простым исполнителем, а инициатором преступлений режима. Фокус с «Я только выполнял приказ» у него не пройдет.

Меня эта уверенность успокоила. Кошки, скребущие душу, немного угомонились.

Я бы в тысячу раз охотнее ассистировал Мике Голубикину, чем профессиональному адвокату Беса.

У отвратительного Хомяченко юридический защитник был столь же мерзотный – Мефодий Добряков, специализировавшийся на

скандальных процессах с участием звезд. Если бы я заранее знал, кто мой напарник, я ни за что не потащился бы на эту Голгофу, и пусть Вита Солнцева меня презирала бы. Но я познакомился с партнером только в день первого заседания. Очень страдал из-за того, что попал с Добряковым в один кадр - камеры щелкали кастаньетами. Отступать, увы, было уже поздно.

При ближайшем знакомстве одиозный стряпчий (это старинное слово подходило ему лучше всего), однако, оказался вполне цивилизным, даже приятным господином.

- Ваш давний читатель и почитатель, - сказал Мефодий Кириллович, пожимая мне ладонь обеими руками и низко склонив голову. – Ужасно взволнован знакомством. Главный человек в нашем тандеме вы, я не более чем технический ассистент.

- Позвольте, - встревожился я. – Но я не юрист! Вы должны мне хотя бы объяснить, какова стратегия защиты!

- Дзюдо, - ответил Добряков вполголоса, покосившись на дающего интервью румяного прокурора. – Противник намного

сильнее, мы используем против него его же силу.

Что это означает, я не понял.

Все выслушали вступительную речь судьи. Его честь строго объявил, что процесс будет абсолютно беспристрастным, и всякий, кто позволит себе оскорбительные выкрики в адрес подсудимого, будет немедленно удален из зала.

Потом началось действие первое – формирование коллегии присяжных из восьми человек. По американским сериалам я знал, что на этой стадии развернется яростная битва между обвинением

и защитой. Считается, что судьба процесса и даже финальный вердикт зависят в первую очередь от состава заседателей.

Добряков шепнул мне:

- Это, если вы не против, по моей части.

Я, разумеется, был не против.

И тут адвокат меня удивил. Впрочем не только меня.

Мефодий Кириллович попросил слова и кротко сказал:

- Пусть господин прокурор отберет кандидатов, которые устраивают обвинение. Пул из шестнадцати человек, как положено. Я же

потом из их числа выберу восемь присяжных. Обвинение не возражает?

Прокурор, кажется, не поверил такой удаче.

Два дня, с утра до вечера, рыцарь Фемиды старательно и обстоятельно вел опрос «кандидатов в кандидаты». Выяснял у каждого отношение к правам человека и к гендерному вопросу, проверял толерантность к меньшинствам и общественные взгляды. Всякого, кто говорил, что при старом режиме не всё было так уж плохо, или, скажем, выражал скептицизм

касательно глобального потепления, Мика сразу отсекал.

Даже мне, убежденному стороннику европейских ценностей, стало казаться, что коллегия формируется какая-то больно уж однородная, не оставляющая моему (о Господи!) подзащитному ни малейших шансов на снисхождение. Пару раз, во время особенно тенденциозных демаршей прокурора, я шепнул Добрякову:

- Почему вы не протестуете?

Но толстяк лишь флегматично пожимал плечами. Он по большей части подремывал.

На третий день настал черед защиты. Нужно было из шестнадцати оставшихся кандидатов выбрать восьмерых. Я приготовился к тому, что на это уйдет весь день, но Мефодию Кирилловичу хватило пяти минут.

Он не стал опрашивать каждого по отдельности. Вышел к подиуму, сладчайше улыбнулся залу, поклонился судье, а кандидатам показал поднятый палец. Кандидаты заинтригованно на него уставились.

- Представьте себе, что вы – Уинстон Черчилль, - зловещим голосом велел адвокат. – Тысяча

девятсот сорок первый год. «Битва за Англию». Ваши шифровальщики сумели раскрыть тайный код немцев, и вы имеете доступ к секретнейшей информации Вермахта. Это ключ, с помощью которого вы рассчитываете добыть победу. Вдруг перехвачено сообщение. Люфтваффе намерено провести акцию устрашения – стереть с лица земли город Ковентри. К вам обращается командование сил противовоздушной обороны. «Господин премьер-министр, нужно или срочно эвакуировать горожан, или многократно увеличить число

зениток, а лучше сделать и то, и другое, иначе погибнет много мирных жителей». Представители генерального штаба возражают. Они говорят: «Если мы это сделаем, немцы догадаются, что их шифр разгадан, и сменят его. Мы оглохнем и ослепнем, а это значит, что мы можем проиграть войну». Решение нужно принять немедленно. Или погибнут женщины, старики, маленькие дети – прямо сегодня. Или может быть проиграна война. Но завтра. Что решил Черчилль, вы знаете из истории. Ковентри был разрушен до основания, но войну

союзники выиграли. А теперь представьте себе, что решение нужно принять вам. Вот здесь – война, которую, возможно, не удастся, выиграть без шифра. – Добряков показал левую ладонь. – А вот здесь несколько тысяч живых людей. Кто готов пожертвовать ими ради победы, поднимите руку. Ну же, я жду!

Семь человек подняли руку. Их адвокат и выбрал. Прибавил еще одну пожилую даму, которая сначала подняла руку, а потом опустила.

И всё. Коллегия присяжных сформировалась.

- Процесс пошел, - азартно шепнул мне Добряков, вернувшись на место. Вид у него был предовольный.

- Но ведь все они политические противники подсудимого? – спросил я.

- Двуногие делятся на два типа: люди-«цель» и люди-«средства». Политические взгляды – дело второстепенное, - философски ответил адвокат, а больше ничего объяснить не стал.

Обычно я уходил из суда потихоньку, через флигель, но сегодня меня подловила там съемочная группа радикально-либерального телеканала НТВ.

- Господин Тургенчиков, сколько вам заплатили за то, чтобы вы перемянулись на сторону Зла? Деньги не пахнут? – запальчиво спросила молодая репортерка.

- Я на стороне справедливости. Ничего мне не заплатили. Платить буду я сам. Дорогую цену, - уныло ответил я. – Извините, мне нужно

ехать в следственный изолятор. У меня встреча с подзащитным.

- А разве вам не обещан миллионный контракт за книгу, которую вы сочините по своим записям? – крикнула вслед противная девчонка. Черт знает, откуда она узнала про записи. Я подумал, что, если в самом деле получится книга, нужно будет все авторские перечислить в какой-нибудь благотворительный фонд, иначе потом не отмоешься.

Recording-11

ГИТАРА И ГИТАРИСТ

БЕС:

Так называемый «национальный лидер», он же «государь император», он же «фюрер», он же «богдыхан», в общем самодержец, - это всего лишь красная тряпка, которой машут перед быком, чтобы он обращал меньше внимания на матадора. Ну или скажу так: самодержец подобен вот этой гитаре. Сверкает лаком, бренчит, но сам по себе звучать не станет. Нужен гитарист. Это от него зависит, какую мелодию

заиграет крашенная деревяшка с натянутой проволокой. И как мелодия будет исполняться – хорошо или плохо.

Гитару я не выбирал, она, как вы знаете, досталась всем нам по наследству. «Я ухожу, - сказал пьющий отец семейства. – Вот вам, детки, гитара, на ней и лабайте». Инструментец был очень так себе. Я помню, как все мы, особы приближенные, смотрели на закомплексованного мухортика, чесали репу: как же на тебе играть-то? Ведь ты не годишься ни на что кроме песни «Наша служба и опасна и трудна». А

еще проблема с гитарой власти, Борис Григорьевич, состоит в том, что инструмент-то один, но желающих побренчать на нем много. Так со всех сторон и тянутся, друг дружку отпихивают.

Один хотел исполнить «Я пойду-пойду погуляти, белую березу заломати» - и его самого, как белую березу сразу заломали. Другой попробовал сбацать «Чубчик кучерявый» - его хватать за чубайс, да пинком под зад.

И тут выхожу я. Повесил свой сюртук на спинку стула музыкант. Расправил нервной рукой на шее

черный бант. Начинаю тихо, задумчиво исполнять популярную песню девяностых: «Я его слепила из того, что было, а потом что было, то и полюбила», и гитаре нравится эта пошлая песенка, гитара отзывается на ласку, не хочет расставаться с моими нежными пальцами. Потому что любовь, Борис Григорьевич, она всё преодолагает.

А когда гитара стала моей, я смог играть на ней уже всё, что захочу, и петь обо всем, что считаю важным. (Поет). «О несчастных и счастливых, о добре и зле, о лютой ненависти и святой любви».

Я:

Минуту... Но это именно то, в чем вас обвиняют! Что преступной политикой диктаторского государства закулисно управляли вы. И что кровавую войну с Украиной развязали тоже вы. Вся логика защиты «Я только выполнял приказ» полетит к черту! О каком снисхождении к подсудимому смогу я просить присяжных?

БЕС:

Никогда и ничего не просите, Борис Григорьевич. Да, напасть на Украину нашего незабвенного

Нацлидера убедил я. Но про Украину мы поговорим в следующий раз. Сейчас душа просит песни.

(Поет). «Что творится, что творилось на твоей земле - всё в этой музыке, ты только улови».

Я:

Погодите, но на чем же тогда мы построим линию защиты?

БЕС:

А нам с вами не надо ничего строить. Линию защиты построит новостная лента.

Глава четвертая. В ЧЕМ СИЛА, БРАТ?

ЯНДЕКС-НОВОСТИ

- *Решение международного арбитража о репарациях Украине в размере 1,5 триллиона долларов привело к закрытию Московской товарно-сырьевой биржи.*
- *В Санкт-Петербурге опустевший небоскреб «Лахта-центр» захвачен сквоттерами.*

- **В Краснодаре областное собрание депутатов провозгласило Кубанскую казачью республику.**
- **Государственная Дума утвердила новый гимн Российской Федерации «Возьмемся за руки друзья, чтоб не пропасть по одиночке».**

Recording-12

НЕВОЗМОЖНОСТЬ УКРАИНЫ

БЕС:

На чем мы в прошлый раз остановились? А, да. На Украине. Ну, с ней всё очень просто.

Я:

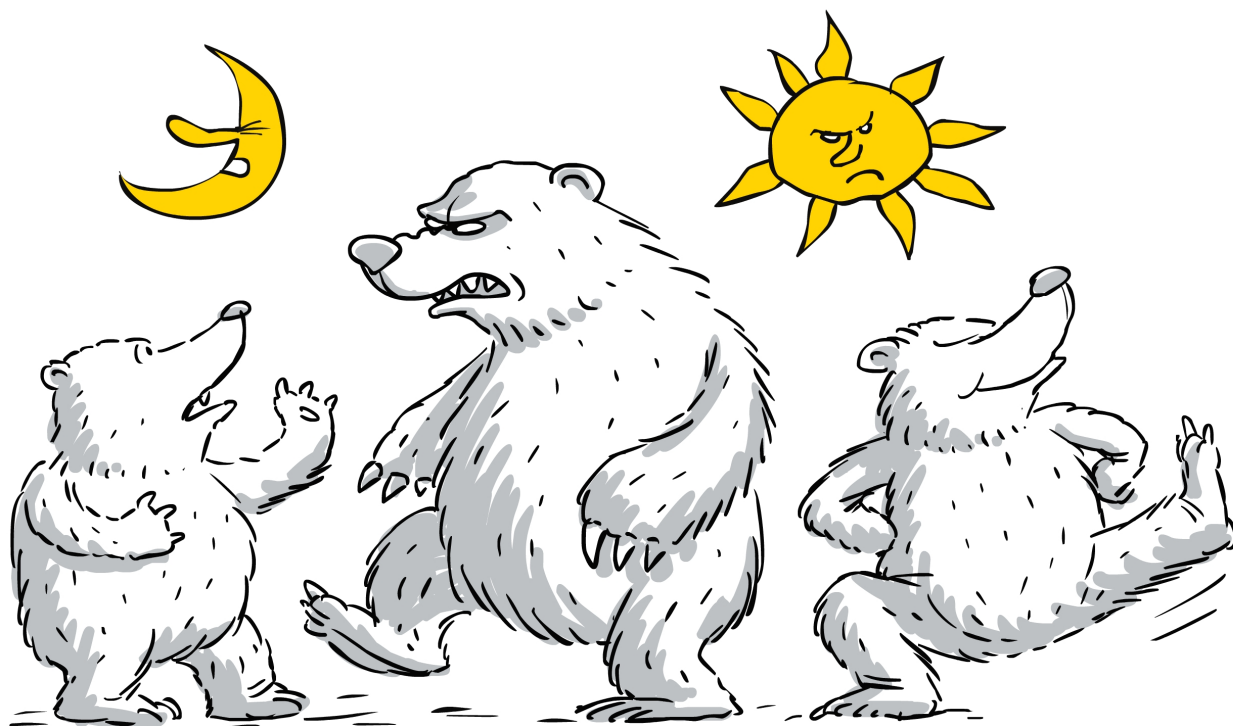
Да?

БЕС:

Конечно. То древний спор славян между собою. Восходит еще к Древней Руси. Начиналось со сказки «Маша и три медведя», где Маша –

Русь, а три медведя – Киев, Новгород и Москва. Три государственные модели. В одной берлоге трем медведям было не ужиться. Торгово-республиканского, новгородского мишку московский Топтыгин скоро загрыз, но с киевским ему пришлось повозиться. Очень уж они разные, эти два зверя. Один угрюмый, лесной, на монгольской цепи выращенный, хозяину послушный, до драки охочий. Другой гулевой, плясучий, порядка не признающий. Это вековой конфликт Ордера и Хаоса, царской вертикали с шляхетско-казачьей горизонталью. В

разные эпохи медведей звали по-разному. То «Великое княжество Московское» и «Великое княжество Литовское», то «Российская империя» и «Малороссия», теперь – «Российская Федерация» и «Украина».

Тут важно понять главное. Маша – она одна. Надвое не делится. Или пойдет с восточным медведем строем маршировать, или с западным гопака плясать. А еще надо уяснить вот что. Привольно жить да приплясывать всякой девке приятней, чем под барабан в ногу шагать. Россия может терпеть рядом Украину, только если там нищета и бардак. А если там весело, сытно да еще и привольно, наша Маша начнет глазом налево стрелять. И не будет великой России, развалится к черту. Вот почему никак нельзя нам было допустить, чтоб

Украина с Европой хорошеды во-
дила. Тут не в Украине дело. Дело в
том, что и Москвы бы не осталось.
Ну, как с немцами было. Глядели
гэдээровцы на ФРГ, как те сладко
живут, и тоже так захотели.

Вот почему мы нисколько не
врали, когда говорили, что наша
спецопераця – не акт агрессии, а
наоборот, акт самозащиты. Незави-
симая от России Украина физиче-
ски невозможна. Или Украина
должна быть частью России, или
Россия – частью Украины. Третьего
не дано. При этом учтите, что я
Украину очень люблю, я ведь сам

по крови украинец. (Поет). «Твої очі кличуть, хочуть мене, ведуть за собою. Хто ти є? Ким би не була ти, я не здамся без бою». Но если Русь украинизируется – это катастрофа.

Я:

А чем плохо, если вся Русь начнет песни петь и хороводы водить? Ну, отпали бы от страны какие-то инокультурные регионы, которым хочется жить по-своему. И пускай бы.

БЕС:

Эх, Борис Григорьевич, ведь вы же писатель, носитель духовности.

Разве вы не знаете, что человек – это звучит гордо? Отними у людей общее дело, полет, высокую мечту, величие – и во что превратится народ? В жвачное стадо, уткнувшееся мордами в подножный корм. Не такую Россию нам предки завещали, не за такую свои жизни отдавали. У русских всегда была высшая цель – неважно, Третий Рим, или коммунистическое завтра, или «зато мы великая держава». Эта цель приподнимала народ, раскрывала ему крылья. Что же,

двухглавому орлу превратиться в безголовую курицу?

Вот сейчас ваша взяла. И что теперь будет с Россией? Бардак, национальное унижение, распад, оскотинивание. На вашем сине-белом знамени будет начертан девиз «Ипотека и дискотека», ничего другого у людей в жизни не останется.

Я:

И вот этот параноидальный бред вы собираетесь декларировать на суде?

БЕС:

Не я. Вы, мой защитник. Уверен, вы найдете правильную форму подачи.

В тот же вечер я должен был участвовать в популярном телевизионном ток-шоу «В чем сила, брат?»

Еще с прежних, тошнотворных времен у меня стойкое отвращение к телевидению. Даже капремонт не избавил меня от этой идиосинкразии. Популярную телепрограмму, на которую меня

пригласили в качестве главного гостя, я тоже на дух не выношу.

Во-первых, мне неприятна ее пошлость и базарность.

Во-вторых, я не могу забыть ведущему Андрею Проныркину, что он вечный перевертыш: начинал как борец за свободу, потом переметнулся к душителям-гонителям, а теперь снова оказался в стане победителей.

В-третьих, всенародно любимая кинокартина «Брат» и ее ублюдочный герой Данила-В-Чем-Сила всегда вызывали у меня рвотный рефлекс.

Я очень не хотел идти. Но Мефодий Кириллович сказал, что такой шанс упускать нельзя. «Обращайтесь не к зевающей телеаудитории, а к присяжным заседателям – они будут смотреть это шоу, можете не сомневаться. При этом вы не связаны процессуальными ограничениями, никакой судья вас не оборвет. Долг защитника – использовать всякую возможность помочь подзащитному. А эта возможность уникальна. Рейтинг проныркинской передачи пятнадцать процентов, доля – сорок, а YouTube-

версия набирает до тридцати миллионов просмотров».

Я дал себя уговорить еще и потому, что мне надоело читать вбросы про то, что Борис Тургенчиков продался за офшорный гонорар или, того хуже, что мои книги плохо продаются и я надеюсь скандальной известностью восстановить интерес публики. Нужно открыто и четко объясниться перед максимально широкой аудиторией, почему я взвалил на себя эту тяжкую ношу, решил я.

С этого и начал.

- Сразу хочу заявить, что я защищаю не политическую платформу Владислава Хомяченко. Она мне глубоко чужда, этот человек – мой идеологический враг...

- Ага, так мы вам и поверили! – немедленно перебил меня ведущий. Он не пытался даже изображать объективность. – Кто же станет защищать врагов? Чего ради?

- Чтобы показать всем: мы лучше прежней власти. Мы не расправляемся, а судим – честно и беспристрастно. Не мстим, а взвешиваем все «за» и «против». Суд не может поддаваться эмоциям – гневу и

злобе. Вспомните великие слова философа: «Дьявол начинается с пены на губах ангела». А еще я писатель, русский писатель. У меня, если угодно, генетический инстинкт: когда все толпой набрасываются на кого-то одного – должно заступиться за этого человека, даже если он кругом виноват.

Вита Солнцева, сидевшая в первом ряду, одобрительно мне кивнула. Но только она одна, все остальные насупили брови, многие загудели.

- Любят интеллигенты, розовые пони, сами перед собой

покрасоваться, - усмехнулся мой оппонент Баобабченко, лидер движения «Возмездие». – Такой и за Чикатилу заступится, лишь бы посмотреть на себя в зеркало и сказать: «Ай, какой я Махатма!».

Публика засмеялась, захопала. Ударил гонг. Ведущий объявил:

- По нашим правилам, у каждого участника пять минут, чтобы убедить зрителей в своей правоте. Смотрите, слушайте и голосуйте! Слово Абрахаму Баобабченко. Итак, в чем сила, брат?

- Само собой в правде, - ответил мой оппонент. – А правда известна

всем. Она состоит в том, что Бес по шею в крови и дерьме. Давайте я освежу память нашему забывчивому писателю.

И он начал перечислять все злодеяния, в которых участвовал Хомяченко. За пять минут не успел добраться даже до войны, но список и так получился чудовищный. Рейтинг поддержки оппонента – я наблюдал по монитору – перевалил за 90 процентов.

- Слово Борису Тургенчикову, - объявил ведущий. – Теперь пусть он расскажет, в чем сила. А я

попрошу зал не шуметь. Писателю трудно.

И глумливо улыбнулся.

- Я не считаю, что сила в правде,
- сказал я. – Сила в справедливости. Потому что правда у каждого человека своя, а справедливость – она общая, учитывающая все индивидуальные правды. И я хочу, чтобы вы поняли: у моего подзащитного тоже есть своя правда. Мне, как и большинству из вас, она, мягко говоря, неблизка. Очень легко поддаваться желанию объявить человека, который исповедует неприятные тебе взгляды,

закоренелым злодеем. Моя задача как защитника не отстаивать политическую позицию Хомяченко – я ее отнюдь не разделяю, а отделить ее от живого человека. Показать, что это человек с принципами, хоть эти принципы нам и не нравятся.

В оставшиеся четыре минуты я коротко рассказал о том, что правда, которую отстаивает мой подзащитный, - государственнический взгляд на Россию, имеет долгую историю и что среди государственныхников были не только злодеи, но и люди весьма достойные:

Сперанский, Лорис-Меликов, Столыпин.

Мне кажется, я хорошо говорил. Во всяком случае, слушали меня неплохо. Баобабченко несколько раз вставлял едкие реплики, но ему не хлопали.

В перерыве между раундами Добряков шепнул мне:

- Супер. Правильно делаете, что не огрызаетесь на его шпильки. Вы выглядите солидно, а он шпана шпаной. И про Столыпина класс. Даже тетя Мотя из Зажопинска про него что-то слышала. А про Сперанского и этого, другого, присяжные

погуглят. Смотрите, ваш рейтинг перевалил за 30 процентов. Это очень круто.

Вторая половина шоу тоже прошла неплохо. Мой оппонент хамил и драл глотку, я был корректен и в ответ на грубости лишь слегка приподнимал бровь. Искоса поглядывал на себя в монитор. Выглядел я весьма достойно. И цифра поддержки понемногу росла. Под конец мы почти сравнялись.

На улицу, под вспышки и крики, я вышел, в общем, довольный. Сделал что должно, а там будь что будет.

И тут произошло ужасное происшествие. Даже два ужасных происшествия, одно за другим.

У подъезда темнела густая толпа, разделенная полицейскими надвое. Слева рокотали взыскующие возмездия. Я прочитал плакаты: «Беса в ад!», «Хомяк ще не здох!», «Рашизм не пройдет!». Справа, кажется, собрались сторонники Хомяченко. Я, честно говоря, и не подозревал, что такие в сегодняшней России имеются. Вместо плакатов они держали

бело-сине-красные флаги и почему-то хоругви.

Слева меня встретили свистом и улюлюканьем, справа – криками одобрения. Я попятился, хотел ретироваться к двери, но тут ко мне подбежал некто угловатый, ощеренный, размахнулся – и я ослеп, мое лицо залепило какой-то текущей дрянью.

- Это тебе от украинцев!

Я ощутил сладковато-перечный запах. Опять кетчуп!

Разлепил глаза. Увидел свалку.
На моего обидчика накиннулись,
сбили с ног.

Какая-то дама сердобольно при-
ложила к моему запачканному
лицу платок. Подняла его, пока-
зала всем. Там осталось пятно.

- Как Спас Нерукотворный! – крикнула дама. – Слава патриоту России, русскому писателю Тургенчикову!

Справа все закричали, захлопали.

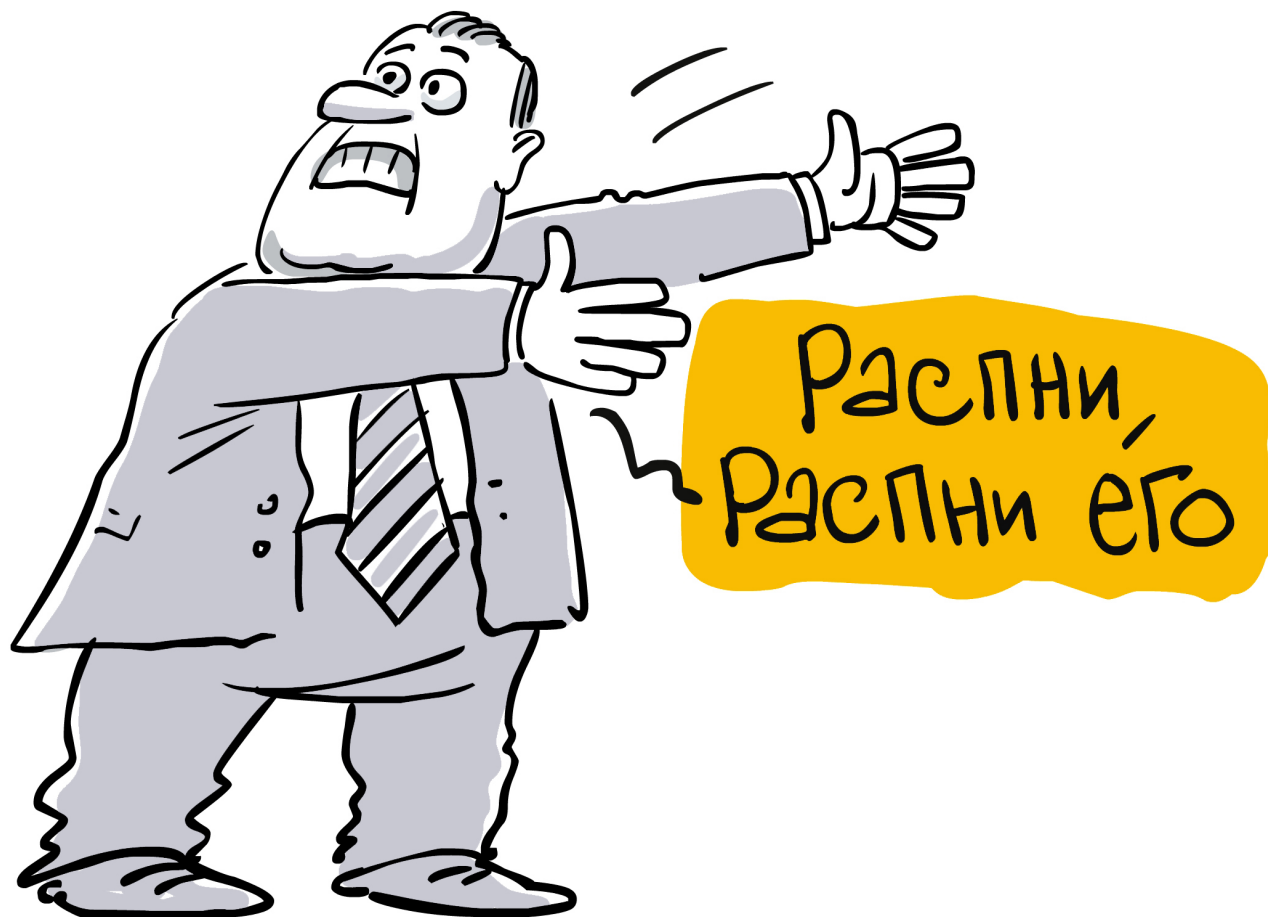
Даже не знаю, что было хуже – кетчуп или вот это.

**Глава пятая.
РАСПНИ ЕГО!**

Яндекс-новости

- **«Парад суверенитетов» продолжается. Вятская республика настаивает на восстановлении границ 1489 года.**
- **Чеченский султанат объявил войну Аварскому ханству. На спорную территорию введены азербайджанские миротворцы.**

- **«Патриотическое крыло» партии «Честная Россия» объявило о возвращении в «Единую Россию», которая после годового интервала вновь становится крупнейшей фракцией Думы.**
- **Сегодня, будет вынесен приговор на «Процессе века». Эксперты прогнозируют пожизненный срок без права апелляции.**

Судебное разбирательство, вымотавшее мне все нервы, рассорившее меня с массой хороших людей и сделавшее меня любимцем людей отвратительных, наконец подходило к концу. За эти месяцы развалилась на куски федерация,

все демократы друг с другом переругались, сменилось три правительства, рейтинг президента скаптался до однозначных цифр, на окраинах попахивало резней, но сага «Свой среди чужих, чужой среди своих», в которой я против собственной воли оказался главным героем, слава богу, завершилась.

Я давно уже выходил из дому только под защитой телохранителей из движения «Ура, Россия!» - вот какое теперь у меня было окружение. Счет пиджакам, испорченным кетчупом, зеленкой и тухлыми

яйцами, шел на десятки. Сразу после вердикта – решено и обещано жене – я собирался вернуться из этой несчастной, озлобленной страны в милый Коннектикут и там, в блаженном покое, приступить к работе над книгой.

Оставалось пережить последний день.

Целую неделю длилась речь прокурора. Если суммировать сроки по всем статьям, которые вменял подсудимому Мика Голубикин, набиралось что-то под тысячу лет.

Я же собирался уложиться в полчаса. Моя аргументация была не

юридической, а эмоциональной. Как у великого Плевако, который, защищая провинившегося попа, сказал присяжным: «Он столько лет отпускал людям грехи, отпустите ему грех и вы». Только, поскольку Хомяченко был не поп, а черт, я думал сделать упор на великодушии и милосердии как главной национальной ценности русского менталитета. Как раз послезавтра будет Прощеное Воскресенье, к нему очень красиво и выводил финал моей речи. Ах, что это была за речь! Фраза к фразе, слово к слову – хоть вставляй в

хрестоматии. Может, еще и вставят, думал я. Если присяжные в своем вердикте скажут, что подсудимый заслуживает хоть какого-то снисхождения, я буду считать свою миссию исполненной.

Но когда перед заседанием я встретился с подзащитным, он протянул мне пакет и сказал:

- Просто прочтите вслух вот это. Больше ничего не нужно.

Я открыл, пробежал глазами распечатку. Это была настоящая бомба!

- Но почему вы не зачитаете этот документ сами? – воскликнул я. –

Он же поможет вам оправдаться по самому тяжкому обвинению!

- Потому что я не желаю оправдываться, - ответил Бес.

Он просидел весь процесс не раскрывая рта, с видом надменным и презрительным, да еще обычно сложив руки на груди. Пресса называла это бесовским вызовом и отъявленным цинизмом. Лишь на самом первом заседании, когда судья по установленной процедуре спросил, понятно ли подсудимому обвинение и признает ли он себя виновным,

Хомяченко произнес два слова:
«Да. Нет».

- Я просто прочту вам выдержку из сверхсекретного документа, который озаглавлен «Протокол заседания Совета Безопасности». Вот, прошу удостовериться, что документ подлинный: печать, подписи, электронный код. – Я подошел к скамье присяжных, пустил титульную страницу по рукам. – Обратите внимание на число и время. Это утро того самого дня. Сразу после заседания бывший президент

отправился на «Прямую линию», где с ним случился инсульт.

Потом я стал читать вслух места, отчеркнутые красным фломастером.

«ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

Учитывая тяжелую ситуацию на фронте, учитывая беспрецедентное давление со стороны коллективного Запада, учитывая предательство Пекина и двурушничество Тегерана, я как верховный главнокомандующий принял решение перейти к фазе «Дубль-Зет». Сегодня перед полуночью, в самом

конце «Прямой линии», я объявлю народу, что у России нет иного выхода кроме нанесения ядерного удара по киевскому центру принятия решений. Я отдам приказ прямо перед камерами. Ракеты уже приведены в боевую готовность. Враг не успеет ничего сделать. Прошу присутствующих высказываться... Не вижу радостного оживления на лицах. Повторяю: У НАС – НЕТ – ДРУГОГО – ВЫХОДА. Иначе вот вам придется прятаться в тайге, вам – сматываться на ваш остров Тувалу, где, как мне докладывают, вы уже прикупили виллу с

личным пляжем, вы отправитесь припухать в психушку, вы сделаетесь из дяди тетей. Я про всех всё знаю. Мне докладывают. Ну так что, голосуем? Кто за превентивный ядерный удар, поднимайте руки. Выше, выше, бодрее! Так. А что это у нас Владислав Сергеевич ручки на груди сложил?

ВИЦЕ-СЕКРЕТАРЬ ПРЕЗИДЕНТ-СКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ:

Если мы сегодня нанесем ядерный удар по Киеву, НАТО немедленно задействует план «Бэк-файр».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

Побоятся. А если посмеют, у нас на это имеется план «Добрыня Никитич». Запустим разом пятьсот ракет. Да только никакой «Бэк-файр» они не задействуют. Им жить не надоело.

ВИЦЕ-СЕКРЕТАРЬ ПРЕЗИДЕНТ-СКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ:

Военное командование НАТО уверило глав западных государств, что через их ядерный щит не пробьется ни одна русская ракета. По нашим сведениям, десять процентов ракетных ударов достигнут

цели, но западные лидеры уверены в своей неуязвимости. Это значит, что «Бэкфайр» осуществится.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

Значит, и наш «Добрыня» себя покажет. Десять процентов – это гуд-бай Ландон, адьё Пари, ауфвидерзен Берлин и чао-какао Вашингтон. Нам, конечно, тоже прилетит. Ничего, построим новую Москву краше прежней. По этой все равно уже ездить невозможно. Сразу с телевидения я отправлюсь в подземный бункер экстренного управления. Всем членам Совета

Безопасности предписывается прибыть туда не позднее двадцати трех ноль ноль. Так что, единогласно?

ВИЦЕ-СЕКРЕТАРЬ ПРЕЗИДЕНТ-СКОЙ КАНЦЕЛЯРИИ:

Нет. Это решение – страшная ошибка. Я голосую против».

Больше я зачитывать не стал. Вполне достаточно было и этого.

- Таким образом, уважаемые присяжные заседатели, вы видите, что мой подзащитный единственный из всего Совета Безопасности

не побоялся выступить против мировой войны, которая скорее всего уничтожила бы жизнь на планете Земля. Если бы не случилось чуда и Бог не поразил бы безумца в самый последний момент, грянул бы всемирный Апокалипсис. На Страшном Суде, где каждого взвешают по делам его, за эту последнюю, отчаянную попытку спасти мир, Всевышний, я уверен, простит Владиславу Хомяченко многие грехи. Простите их и вы.

Зал был потрясен. Я положил секретный протокол на стол судьи и вернулся на свое место.

На минуту, а то и на две воцарилась тишина. Лишь шелестели страницы – судья ошарашенно перелистывал исторический документ. Спросил:

- У защиты всё?

Тут внезапно поднялся Добряков.

- Нет, ваша честь. Имеется еще видеодокумент. Запись, которую сделал подзащитный сразу после заседания Совета Безопасности. Это видно по хронокоду в нижней части кадра. Вы позволите?

На огромном мониторе, где всю прошлую неделю прокурор

демонстрировал видеодоказательства обвинения, появился крупный план Хомяченко.

- Терять мне нечего. После сегодняшнего голосования мне все равно кранты, - сказал мой подзащитный приглушенным голосом. Судя по ракурсу, он снимал себя сам. – Сейчас я войду в кабинет к нашему окончательно свихнувшемуся нацлидеру и заменю ему энергетическую пилюлю, которую он всегда принимает перед телевыступлением, вот на эту. – Два пальца показали оранжевую овальную таблетку. – Получится у

меня или нет, я не знаю. Там четыре камеры наблюдения. Застукают так застукают. Как говорится, я по крайней мере попытался. Ну, где наша не пропадала...

На мониторе возникает высокая дверь с золотой лепниной. Рука с белым манжетом стучит. Слегка приоткрывает створку.

Голос Хомяченко:

- Разрешите? Хочу объяснить свою позицию.

Из-за приоткрытой двери:

- Входи-входи, засранец. Я тебе сейчас тоже кое-что объясню.

Монитор гаснет.

Адвокат подошел к присяжным. Скорбно вздохнул.

- Теперь вы знаете всё. В ваших руках судьба человека, который не только принес нашему отечеству свободу, но и спас жизнь на Земле. Это рыцарь Ланцелот, сразивший Дракона. Нет, поднимайте выше! Вас убеждали, что вы судите Дьявола, а это Спаситель. – Широкий жест в сторону подсудимого. – Вам кричали «Распни, распни его!». Что ж, распните того, кто всех нас спас... У меня всё, ваша честь.

Зал смотрел только на Хомяченко. Обернулся к нему и я.

- Почему, почему вы не открыли всю правду в самом начале? – тихо спросил я. – Не понадобилось бы никаких защитников.

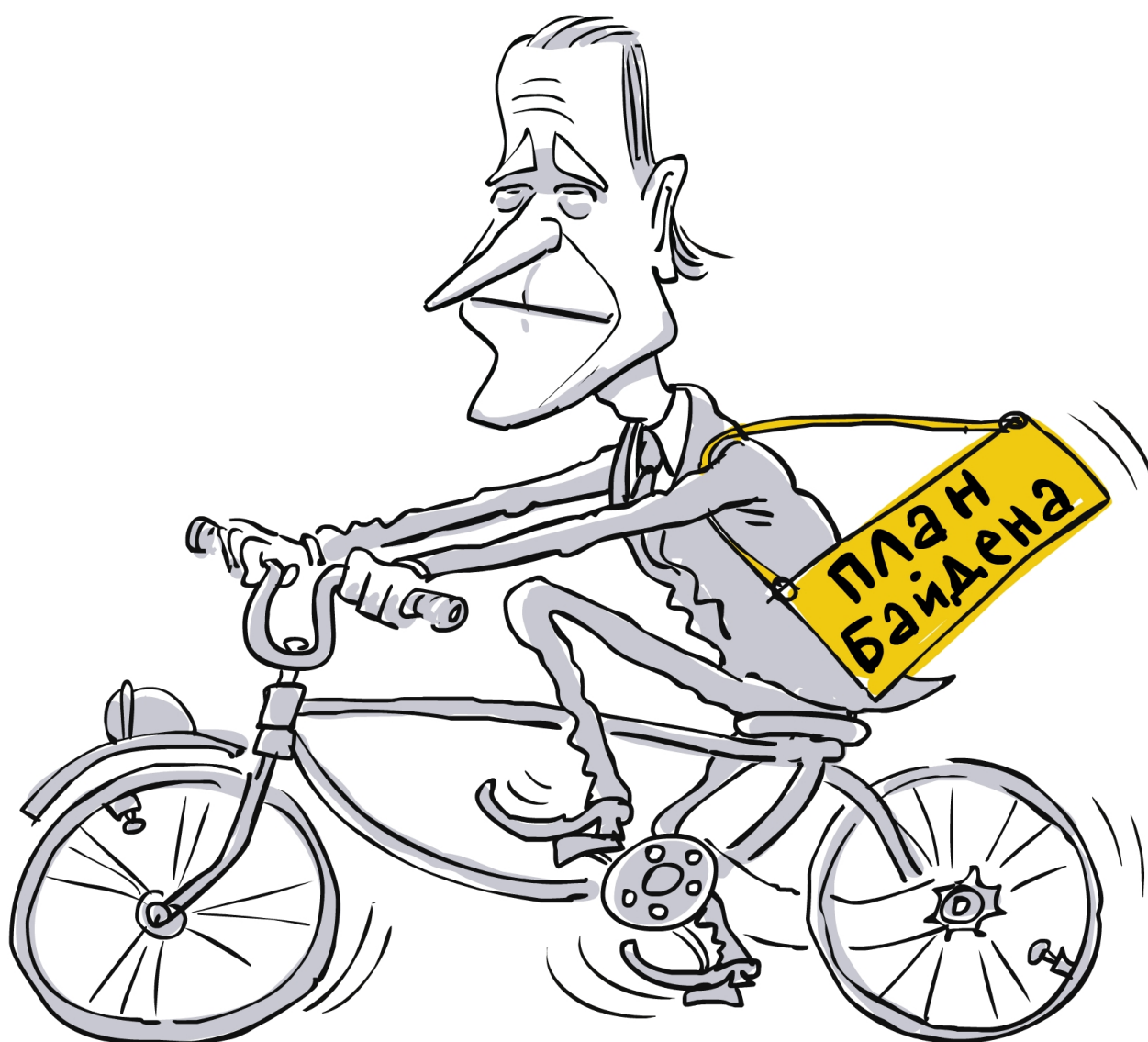
- Всему свое время, - почти не шевеля губами, ответил он. – Полгода назад даже это меня бы не спасло. Я ведь сразу вам сказал: линию моей защиты построит новостная лента.

Глава шестая.
СИДЯ НА КРАСИВОМ ХОЛМЕ

Яндекс-новости

- **Условия «Плана Байдена» приняли девять из десяти государств-субъектов Евразийской Конфедерации. Они откажутся от ядерного оружия в обмен на американскую финансовую помощь.**
- **В Восточно-Европейской Республике на парламентских выборах уверенно лидирует движение «Спаситель».**

- **Фильм Кусана Тиграняна «Российская Федерация, которую мы потеряли» бьет все кассовые рекорды.**

В Новую Англию пришла тихая багряно-золотая осень. Бревенчатая дача в русском стиле стояла на вершине пологого холма. Я смотрел через окошко веранды на мирную долину, воспетую Бродским: гряды покатых холмов, серебро реки, похожие на бисер городки.

Утренняя работа была завершена, она шла превосходно. Вот и еще одна глава дописана. Скоро жена позовет завтракать, но сначала – посмотреть новости.

Я включил CNN.

Говорили, разумеется, о Восточно-Европейской Республике,

бывшей России, где победившая на выборах коалиция сформировала правительство. Комментатор сказал, что сегодня на первой пресс-конференции нового премьер-министра Vladislav Khomyachenko было сделано несколько сенсационных заявлений.

Включили запись. Я увидел своего бывшего подзащитного. Он весь лоснился от величия. Знакомый голос с масковской протяжкой ронял тяжелые, как чугун, слова. Внизу ползли строчки английских субтитров.

- Я отвечу на ваш вопрос, - сказал глава правительства немецкой корреспондентке. – Вы назвали нашу декларацию скандальной, поскольку, отказываясь от предыдущих договоренностей, мы якобы нарушаем международное право. Хочу обратить ваше внимание на несколько моментов. Во-первых, эти кабальные договоренности были навязаны нашим предшественникам путем шантажа и угроз. Во-вторых, Восточно-Европейская Республика не является правопреемницей Российской Федерации и поэтому никаких

репараций Украине выплачивать не обязана. В-третьих, ультимативный тон в общении с нашей страной лучше оставить, он ни к чему хорошему не приведет. Я хочу напомнить западным партнерам, что это я, лично я, рискуя жизнью, спас мир от ядерной катастрофы.

- Но экс-президент Vedmedev говорит, что знаменитый протокол – фейк, что такого заседания не было! – быстро сказала журналистка.

- Где говорит? В психлечебнице? – пренебрежительный взмах рукой. – Поверьте мне, пока

Россией... извините это я по привычке... – Обаятельная улыбка. – Пока Восточно-Европейской Республикой руковожу я, миру не следует опасаться нашего ядерного оружия. Я не ястреб войны, я голубь мира. Но ядерный щит, выкованный усилиями наших великих предков, мы из рук не выпустим. И при необходимости прикроем им наших дорогих братьев, членов Евразийской Конфедерации...

На экране снова появился комментатор.

- Этим своим заявлением мистер Хомяченко дал понять, что его

страна намерена установить политический контроль над остальными субъектами Конфедерации, прошедшими процесс ядерного разоружения. Однако самое яркое заявление новый лидер сделал чуть позднее, отвечая на вопрос Би-Би-Си.

- Господин премьер-министр, - напористо и чуть насмешливо начал британец. - Условия мирного договора дают Атлантическому блоку право при малейших признаках военной активности с вашей стороны немедленно ввести бесполетный режим над всей Восточной

Европой. Ваши ракеты не смогут взлететь. Система космического мониторинга сразу обнаружит любую попытку перевести ваше стратегическое вооружение в боевую готовность. Использовать ядерное оружие вы все равно не сможете. Так зачем вам оно?

Крупно физиономия премьера. На тонких губах кривая улыбка, голос зловещий.

- Поскольку вы житель страны, в свое время разбогатевшей на морском разбое, отвечу при помощи метафоры, хорошо понятной потомкам Френсиса Дрейка и Генри

Моргана. Россия сегодня – как корсарский корабль, у которого сбиты мачты, опрокинуты пушки, деморализован экипаж. Вы уже высадили на палубу абордажную команду, готовитесь поживиться содержимым наших трюмов. Но на корабле есть крюйт-камера, набитая бочками с порохом. И там заперся капитан. В руке у него факел. «Только суньтесь! – кричит он вам. – Я запалю порох и взлечу на воздух вместе с вами! А обломки обрушатся на ваши суда и подожгут их! Клянусь, я сделаю это, если вы не уберетесь с моего корабля!». Этот

капитан – я. Мой факел – красная кнопка. Да, ракеты не взлетят, но ядерные заряды взорвутся. Ветры разнесут радиацию во все стороны света. До Америки, наверно, не достанут, но старушке Европе конец. Мы погибнем, но и вы тоже. Я спас мир от ядерной катастрофы, я же в случае необходимости его и уничтожу. Как говорится, выбирать вам. Я достаточно понятно ответил на ваш вопрос?

Последние слова утонули в воплях овации. Это вскочили с мест и заорали, захлопали русские журналисты.

- По всей Восточно-Европейской Республике, от Балтийского моря до Волги, проходят стихийные митинги и демонстрации в поддержку премьера Хомяченко, - мрачно продолжил репортаж ведущий.

Пошли кадры многолюдных манифестаций. На плакатах было написано: «Правда - в силе!», «Знай наших!», «За державу не обидно!».

- Боря, чай остывает! – позвала жена.

- Сейчас!

Как же тяжело было у меня на сердце. «Защитил жертву травли, Короленко хренов? – горько

спросил я себя. Призвал милость к
падшим? Сделал, что должно?».

Ах, несчастная Россия, ах бедная
Европа...

Я закручинился и пошел завтра-
кать.

